

Глава 6

Гость

Всё произошло в одно мгновение. Сюй Чунь, перегнувшись через перила, крикнул:

— Господин Хэлань!

Мчавшийся конь резко остановился. Всадник поднял голову, и из-под шляпы сверкнули два глаза, острые, как молнии. Двое других тоже остановились позади него и посмотрели на Сюй Чуня.

Ливень лил как из ведра. Боясь, что его не расслышат, Сюй Чунь крикнул громче:

— Войдите, переждите дождь! Эта дорога — тупик!

Молодой человек молча смотрел на него, но с места не трогался. Сюй Чунь поспешно сбежал вниз, пересёк веранду, подбежал к задним воротам сада, откинул засов и, распахнув их, крикнул из-под навеса стоявшим неподалёку всадникам:

— Дождь сильный, войдите, переждите! Я вас не обманываю, дальше вас остановят гвардейцы, проезда нет!

Се И, сверкнув глазами, спешил. Двое охранников тут же соскочили с коней, взяли под уздцы его скакуна, и один из них раскрыл над ним промасленную бумажную зонт. Подойдя к воротам, Се И принёс с собой запах дождя. Капли глухо стучали по зонту. Сюй Чунь не смел поднять на него глаз, его лицо, холодное и прекрасное, как иней, пугало и завораживало. Опустив ресницы, он тихо проговорил:

— Прошу вас, поднимитесь наверх. Я велю принести горячего чаю. Вы... вы все промокли. Может, переоденетесь? У меня есть новая одежда, ещё не ношенная! Из лавки прислали осенние наряды для хозяина, они свободного покроя, должны подойти... Я имею в виду... боюсь, вы простудитесь...

Он и сам не понимал, что говорит, чувствуя лишь, как бешено колотится сердце, и мысленно возвращаясь к тому мимолётному взгляду, которым одарил его незнакомец. Се И шагнул внутрь.

— Где лестница? Веди.

Сюй Чунь поспешно пошёл вперёд, ведя его наверх, и мысленно коря себя за то, что здесь не прибрано как следует. Поднявшись в открытый павильон на втором этаже, он принёс стопку

чистых полотенец, чтобы гости могли обтереться, и лично налил Се И чашку горячего чая.

— Присядьте, пожалуйста, — попросил он. — Я сейчас велю принести одежду и всё для умывания.

Се И взял чашку и пристально посмотрел на него. Он ещё издали заметил на веранде человека, а подъехав ближе, увидел, с каким горячим участием смотрит на него этот юноша. И почему-то остановил коня.

Может, хотел узнать, как этот юный мот отреагировал на то, что его сто тысяч лянвов обернулись пожалованным титулом для матери?

Он огляделся. Павильон был открыт с четырёх сторон, свежий дождливый воздух наполнял комнату прохладой. В окна были вставлены большие пластины зелёного стекла и перламутра, образующие изящные узоры.

Сквозь полупрозрачное зелёное стекло виднелись качающиеся на ветру ветви бамбука и бескрайняя, подёрнутая дымкой гладь озера Чуньмин. Пол был устлан толстым, мягким шерстяным ковром с заморским узором. Вся мебель из тёмного палисандра была инкрустирована перламутром. На тёмном лаке белые раковины, сложенные в узоры из цветов, листьев, птиц и бабочек, переливались нежным жемчужным блеском.

На столике у южного окна в фарфоровой вазе нежно-голубой глазури стояло несколько веток орхидеи. У стены — длинный стол из цельного куска мрамора, на котором красовался коралл, алый, как пламя.

Не зря говорят, что морские торговцы несметно богаты, — подумал Се И. — Снаружи этот домик выглядит скромно, а внутри — такая роскошь.

Один из охранников встал у входа, другой подошёл, чтобы снять с Се И плащ и шляпу. В это время на лестнице послышались шаги. Вошла пожилая женщина, а за ней двое мальчиков-слуг. Один нёс стопку чистой одежды, другой — медный таз. У самой женщины в одной руке был огромный медный чайник, а в другой — ведро с чистой водой.

Женщина с тёмно-красным лицом, в простом платье, с закатанными рукавами, обнажавшими сильные руки, поклонилась.

— Приветствую вас, господин. Я принесла воды. А ещё молодой господин велел спросить, не изволите ли отужинать? Уже время, и на кухне всё готово. В такой ливень хорошо бы выпить горячего супа. У нас есть прозрачный куриный бульон и отменные морские ушки.

Се И смотрел, как женщина ловко наливает в таз кипяток из чайника, от которого поднимается пар, и как расторопно и просто она говорит.

— Благодарю вас, матушка, распоряжайтесь.

— У вас есть какие-нибудь запреты в еде, господин? — улыбнулась женщина.

— Нет.

Налив воды, женщина поклонилась.

— Эти двое мальчиков помогут вам умыться и переодеться. А я пойду накрывать на стол.

И она тут же ушла. Другой мальчик-слуга, подойдя, подал одежду.

— Прошу вас, господин, смените мокрую одежду. За этой ширмой есть боковая комната, там можно привести себя в порядок.

Се И поднял глаза. И вправду, на шестистворчатой ширме были изображены дикие журавли. Несколько белых птиц летели или стояли в зарослях камыша. Их белоснежные крылья, длинные шеи, изящные позы были как живые. Подойдя ближе, он увидел, что белые журавли выложены из слюды и перламутра, а тёмно-зелёные листья камыша переливаются на свету. Поистине, искусная работа.

— Эту картину нарисовал наш молодой господин, — сказал мальчик, видя, что гость любит ширмой. — А госпоже так понравилось, что она велела мастерам сделать по его рисунку.

Се И с удивлением взглянул на мальчика.

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Цюху, — звонко ответил тот. — А это — Дунхай. Мы служим господину.

Он положил поднос, который держал в руках, и подошёл, чтобы помочь Се И раздеться. Се И снял верхний тёмный плащ.

— Если есть Осень и Зима, значит, есть и Весна с Летом?

— Совершенно верно. У нас есть ещё двое слуг-писцов, Чуньси и Сячао. Они чаще сопровождают молодого господина на выездах, а мы с Дунхаем в основном занимаемся его внутренними делами, одеждой, письменными принадлежностями и прочими мелочами, — он взял одежду Се И и с восхищением произнёс: — Какой у вас дорогой плащ, господин, редкая вещь.

— А ты, я вижу, в столь юном возрасте уже разбираешься в таких вещах, — заметил Се И.

— Моя семья держит лавку шёлка и тканей, — смущённо улыбнулся Цюху, — поэтому я немного в этом понимаю. Это лучшая камка, основа из шёлка, а уток — из шерсти, и в неё вплетены птичьи перья. Это очень непросто. А здесь ещё и выткан узор цилиня. Такая ткань делается не меньше года. В обычный дождь она бы не промокла, но сегодня ливень слишком сильный. Я сейчас же отнесу её вниз, чтобы привести в порядок, и верну вам в целостности и сохранности.

Се И увидел, что ему принесли полный комплект одежды, от нижнего белья до сапог и носков. Бельё было из тончайшего белого шёлка, а верхний халат небесно-голубого цвета, с лёгким жемчужным блеском. Ткань была необыкновенной.

— А из чего сшит этот халат твоего господина? — спросил он.

— Эти две вещи довольно обычные, — улыбнулся Цюху. — Нижнее бельё из ткани под названием «туманная нежность», она лёгкая, мягкая и гладкая, в ней удобно и не жарко. А небесно-голубой халат — из шёлка «небесная лазурь». Вся ценность — в цвете. Другие мастера, когда красят шёлк в такой цвет, используют индиго, но как бы они ни старались, такого чистого оттенка не добиться. Видите, он такой чистый, почти прозрачный. Это потому, что сама нить изначально голубая. Её прядёт особый вид шелкопряда, который питается только определёнными листьями. Только из такой нити можно соткать настоящий шёлк цвета «небесной лазури». Этот халат молодой господин раньше не носил, говорил, что это расточительство. А сегодня, когда вы приехали, он велел мне специально его найти, сказал, что только вы достойны его носить.

— А ты умеешь говорить за своего господина, — с улыбкой в голосе заметил Се И.

— Я с детства помогал родителям в лавке, — поспешно надевая на Се И голубой халат, ответил Цюху, — всё время угождал покупателям, вот и набрался лести и болтливости. Не сердитесь на меня, господин.

— Я ведь не стану спорить со слугами, верно? — с усмешкой спросил Се И. — Придётся принять все его знаки внимания.

— Господин, вы так умны! — восхитился Цюху. — Наш молодой господин спустился вниз и говорит шестой нянюшке: «Нянюшка, ужин готов? Дождь на улице сильный, я хочу задержать гостя. Нянюшка, помогите мне его удержать». Я тогда тоже подумал, почему молодой господин сам не попросит, а поручает это нянюшке. А теперь, услышав ваши слова, понял: он рассчитывал на ваше доброе сердце.

Се И, видя, как умён и находчив этот мальчик, как он, ничуть не робея, каждое слово обращает в пользу своего хозяина, понял, что тот и вправду вырос на рыночной площади. Он почувствовал к нему невольное уважение и больше не стал его испытывать. Он переоделся, сменив даже промокшие носки и сапоги на чистые, из шёлкового хлопка, и мягкие туфли.

Выйдя из-за ширмы, он увидел, что двое его охранников, с помощью Дунхая, тоже переоделись. Цюху подал ему горячее полотенце. Он обтёр лицо и руки, распустил волосы, вытер их и, расчесав гребнем с редкими зубьями, свободно завязал на затылке. Теперь он чувствовал себя совершенно сухим и отдохнувшим.

<http://bllate.org/book/16990/1581667>